

РУБЕЖ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ХАРБИН. XVI ГОД ИЗДАНІЯ.

№ 22 (746)

30-го мая 9 года Кан-Да
(1942 г. н. э.).

Цѣна — 60 ф.
В Китаѣ — 65 ц.
В Шанхаѣ — 1.20 ц.

2. О творчестве беллетриста.

Рассказ есть изложение какого-то факта, примечательного, необычного, редкого в жизни, художественной форме, где чувства действующих лиц находят отражение в душе читателя.

Вместе с ними он радуется, огорчается, негодует, переживает целый гамма чувств, которые звучат в произведении. И хорошо, когда писатель с увлечением все это описывает, а читатель с увлечением читает. И это увлечение передается, порой, в настоящее почитание писателя, когда скоро читатель убеждается в искренности писательских чувств.

Бывает, однако, что писатель с увлечением пишет, а читатель без увлечения читает. Это значит, что у писателя нет опыта передачи. Стало быть, нет связности чувств писателя с чувством читателя.

Преодолеть этот недостаток можно, внимательно изучая наших классиков, их манеру писать. Из них наиболее близок современному читателю Чехов. Изучая Чехова, подмечать у него наиболее сильные способы выражения мысли — для начинающего писателя в высшей степени полезно. Знаменитый чеховский афоризм: — «если в рассказе указывается, что настало лето, то оно должно обязательно выстрелить», — должен служить для беллетриста постоянным напоминанием.

Предельный лаконизм языка, выработанная Чеховым, и позволил ему создать тип короткого рассказа с громадным содержанием, — жанр, в котором он не имеет себе равных, в русской литературе.

В широкой публике издавна почему-то укоренилось мнение, что Чехов творил с необычайной быстротой и легкостью. Это, отчасти, и так и не так.

В раннюю пору своей литературной деятельности Чехов, действительно, работал быстро, легко и давал свои рассказы в журналы один за другим. За год он давал до сотни рассказов. В своем письме к Григоровичу, в 1886 году, Чехов писал:

— Досель относился я к своей литературной работе крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего рассказа, над которым я работал бы более суток, а «Егеря», который Бам поправился, я писал в купальи.

Но в дальнейшем положение изменилось резко. Два года спустя, он пишет по поводу работы над «Вишневым садом»:

— Пишу по четыре строчки в день и ть с нестерпимыми мучениями.

Чехов становится тогда удивительно требовательным к себе. Он заботится о

каждой фразе, каждым словом.

Один из критиков отметил в чеховских «Трех сестрах» необычайную выразительность положений действующих лиц, причем, Чехов достиг этого в коротком диалоге. Одна из трех сестер — Ольга — с испугом обращается к толь-ко что вошедшей в гостиную Наталье Ивановне (будущей жене брата), одетой в розовое платье с зеленым поясом: — На вас зеленый пояс. Милая, это нехорошо.

— Разве есть примета? — спрашивает та.

— Нет, просто не идет... И как то странно...

— Да. Но, ведь, это не зеленый, а скорее матовый.

Здесь Чехов с изумительным лаконизмом отметил социальное неравенство двух женщин: Ольги из культурной интеллигентной семьи и будущей жены молодого Прозорова из другого, мещанского мира, живущего своими интересами и вкусами. Мастер нашел простой с виду прием для сопоставления двух различных миров. Вместо длинных монологов и диалогов, что сделал бы другой драматург, чтобы оттенить разницу действующих лиц, Чехов прибег к новому блестящему приему. И, по всей вероятности, этот прием сделан был в результате упорной работы писателя над собой.

— Хорошие вещи создаются терпением, долгой энергией, — писал в своем дневнике Густав Флобер, автор «Мадам Бовари» и «Саламбо» — этих столь разных и, вместе с тем, столь замечательных произведений.

И он же в своих письмах упоминает:

— Просидел четыре часа и не мог придумать ни единой фразы. За весь сегодняшний день не написал ни строчки, впрочем, зачеркнул с собою куда-то негодных.

И тот же Чехов выразился однажды:

— Искусство хорошо писать заключается в умении вычеркивать плохо написанное.

Один из современных писателей так передавал «творческие муки» начинающего автора:

— Вот передо мной — бумага, перо, чернила. Что то возможно, вот-вот, где то близко, но еще не выходит. Едва-едва только начнешь претворять в слова свои ощущения, воспоминания, мысли, как все блекнет на бумаге, становится неинтересным. Чувствуешь, что если и напишешь, то читателю будет тоже неинтересно.

Когда автор преодолевает эту преграду, к нему приходит дальше понятие, что

он плохо знает русский язык.

— Отчего и пишу фразу так, а не так? Выбираю те слова, а не те? И чем законы языка? Какой здесь критерий? Может быть, потому, что русский критерий — слабый подпорка, когда не знаешь хорошо своего языка.

Что же, в таком случае, делать? Многие. Опять таки, читать классиков, былин, исторические записки. Из сопоставления этого материала рождается понятие о том, как выговаривался русский язык, как приобретается художественная его крепость в писательстве.

И в дальнейшем, из всего этого рождается понятие о необходимости для себя найти такую форму изложения, которая была бы лучшей из всех возможных.

Многие делают это бессознательно, но у писателя, все же, должен быть свой собственный метод изложения, накопления знаний жизни, накопление впечатлений, способность представлять различные группы и слои, с их чувствами, красками и запахами.

Старый писатель-бытовик говорил своим ученикам:

— Если бы я родился и вырос в городе, а не в деревне, если бы не знал с детства тысячи своеобразных вещей — зимнюю стужу, выгогу в степи, шум ветра в лесу, занесенные снегом деревни, дым из труб на утренней заре, запах одежды из овчин, Святки, избы, гадания, сказки, лучину, овчины, которые особенным образом пахнут, — я, наверное, не мог бы так описывать старую Москву. Картины старой Москвы звучали во мне глубокими детскими воспоминаниями. И отсюда получалось ощущение эпохи, ее вещественность. Этих людей, эти типы я потом проверял по историческим документам и когда убеждался, что написанное хорошо звучит, не фальшивит, я постигал, что это как раз то, что нужно.

Для нахождения себя, как писателя, нет законов. Постигается это, а также и верность приемов письма, внутренним чутьем.

— Ты сам свой высший суд, — сказал великий Пушкин в обращении к поэту, указывая этим, что нет законов и стандартов художественности, а есть высшее, сверхъестественное познание правильности слов, выражающих мысль.

И он же писал в 1822 году:

— Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей; без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи — дело другое...

А. РЕБРИНСКИЙ.